

Лана Невская

Записки паркинсоника

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9527969

*Л. Невская. Записки паркинсоника: Skleněný můstek s.r.o.; Karlovy Vary; 2015
ISBN 978-80-87940-89-1*

Аннотация

«Записки Паркинсона» – это своеобразный путеводитель по лечебным учреждениям Москвы. Рассказывает как своими силами добиться медицинской помощи, а также оставляет надежду на то, что честные и профессиональные врачи все-таки существуют. Ироничный язык автора делает эту книгу не только познавательной, но и безумно интересной.

Содержание

Записки Паркинсона	5
Глава 1. Преддверие	5
Глава 2. В поликлинике	7
Глава 3. В больнице им. Боткина	9
Глава 4. Кафедра экстрапирамидных исследований	12
Глава 5. С первой попытки	15
Глава 6. Окружной паркинсонолог	17
Глава 7. Рассчитывайте на энтузиазм	19
Глава 8. Летние истории	21
Глава 9. Дневной стационар	23
Глава 10. Подготовка к МСЭК	26
Глава 11. МСЭК	29
Глава 12. День рождения	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лана Невская

Записки паркинсонника

© Лана Невская 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

* * *

Записки Паркинсона

Эта повесть посвящается всем, кого настигла тяжелая, неизлечимая болезнь, с которой им приходится бороться в одиночку, рассчитывая только на себя и своих близких. Не опускайте руки, не отчаивайтесь, ищите возможность получить консультацию хорошего специалиста, найдите в интернете «друзей по несчастью», которые обязательно поделятся с Вами всей информацией, какой будут располагать. Вместе мы справимся. «Будем жить, славяне!»

Глава 1. Преддверие

Я лежала на диване и запоем читала очередную книгу о спецназе. Почему-то я «подсела» на эту тему и глотала книги одну за другой. Шел второй час ночи, а я лежала в позе кобры, готовой к атаке, уже часа три, но шея у меня нисколько не устала. Я отметила для себя это явление, удивилась – такого раньше никогда не было. Я всегда долго умащивалась, подкладывала дополнительные подушки, чтобы было удобно лежать, а тут – голова висит в воздухе три часа, а усталости нет, неудобства не чувствую.

– Забавно! – подумала я и забыла об этом.

Через некоторое время я отметила у себя еще одно необычное явление. Иду по улице. В правой руке несу сумку, а левая рука висит сбоку и совсем не делает отмашку. Висит и все. Но когда я это заметила и стала насильно ею махать, вернее – все время держать ее под контролем, она снова стала двигаться. Что еще за новости!

И третий момент, который меня несколько напряг – это положение левой руки, когда я ходила по квартире: она была постоянно полусогнута в локте, прижата к боку, а пальцы собраны в щепоть. Я выпрямляла руку, но когда забывала о контроле, рука опять возвращалась в прежнее положение, а корпус чуть наклонялся вперед. Позже я узнала, что это тоже один из признаков болезни Паркинсона и называется «поза просителя».

Еще я заметила, что стала с трудом поворачиваться ночью в постели. Сначала я должна сесть на кровати, потом повернуться на нужный бок, и лишь потом лечь. Я всегда была беспокойной: раз пятьдесят за ночь повернусь. А теперь я стала вертеться меньше, но для каждого поворота мне нужно проснуться и осознанно проделать этот маневр.

– Какая я стала неуклюжая к старости! – отметила я про себя и все списала на возраст.

Наверное, эти мелкие неудобства я терпела бы еще довольно долго, если бы к этим симптомам не прибавилась ноющая боль в спине, от которой я сгибалась как старушка, у меня напрягались все мышцы спины. Больно было до слез, и даже дышать становилось трудно. Ко всему прочему, походка у меня стала как у Буратино: ноги в суставах двигались так, будто в каждый сустав вставили по зубчатому колесу, и во время ходьбы там что-то хрустело, как при заводе будильника. Нога шла не плавно, а как у робота. И во всем теле ощущались пружинки, которые покачивали всю меня при ходьбе. В общем – просто кукольный театр!

Мне все это не очень нравилось, но, в силу своей медицинской неграмотности в сфере нервных заболеваний, я даже представить себе не могла, признаки какой страшной болезни я у себя обнаружила!

Но, поскольку спина все-таки ужасно болела, я попросилась на гидромассах к своей знакомой – заведующей физиотерапевтическим отделением одной из московских больниц. Она назначила мне гидромассаж, лечебную физкультуру и пару процедур с нафталаном и

магнитом. При очередной встрече я рассказала ей про руку, которая не делает отмашку, про походку Буратино и спросила, не надо ли и для конечностей сделать какую-нибудь процедуру, уж для полного комплекта?

Светлана Юрьевна, – так зовут мою знакомую, – покрутила мне руку в запястье, заставила пройти по кабинету, спросила что-то еще. И вдруг сказала:

– Знаешь, я советую тебе съездить в Боткинскую больницу на кафедру экстрапирамидных заболеваний. Я ведь по образованию невролог. А твои симптомы очень напоминают признаки болезни Паркинсона. Я не уверена, что это – та самая болезнь. Бывает, что признаки похожи, но они от других болезней и проходят при изменении лечения. Но, для твоего спокойствия, я тебе все-таки советую там проконсультироваться. Эта кафедра общероссийская, главная в стране, если не единственная. Только возьми направление в районной поликлинике.

Глава 2. В поликлинике

Я не знала, что такое – болезнь Паркинсона, поэтому не очень испугалась, покивала в знак согласия сходить на эту кафедру, и поехала домой, чтобы посмотреть в интернете, что это за болезнь с таким звучным именем. Дома я открыла нужную страничку и стала читать. Чем дальше я читала, тем больший ужас меня охватывал. Написано было очень подробно и красочно, особенно про то, что жить с таким диагнозом мне осталось пять лет.

– Господи! За что мне это?! – только и повторяла я, судорожно пробегая глазами странички интернета. Зашла на форум – там вообще караул! Сплошные стоны и вопли о помощи. Причина болезни неизвестна, лекарства не помогают, люди страдают, у них галлюцинации, боли, потеря координации, ступор и еще столько всего, что у меня началась истерика.

– Заболевает один на сто тысяч человек! Ну почему этим одним стала я? – причитала я, сидя на краю ванны, и пыталась остановить истерику, поливая себе лицо холодной водой.

Кое-как справившись со слезами, я понеслась в районную поликлинику за направлением.

Влетев в кабинет невролога, проглатывая окончания слов, я залепетала:

– У меня нашли признаки болезни Паркинсона. Мне нужно срочно проконсультироваться на кафедре в Боткинской! Дайте мне направление! – я «била копытом» и ожидала, что невролог всполошится, заохает, кинется заполнять бланк направления и, смахнув сочувственную слезу, благословит меня на посещение кафедры экстрапирамидных исследований. Но...

Не повернув головы в мою сторону, глядя в окно, совершенно безразличным тоном она изрекла:

– Мы в Боткинскую направлений не даем. Только в наш районный диагностический центр. Пойдете?

– Конечно, пойду! – почти кричу я.

– Сейчас я могу только поставить вас на очередь. Ждать талона придется месяца три, – равнодушно сказала неврологиня.

– Как три месяца? Мне сейчас нужно! Я не могу столько ждать в неизвестности! – завопила я.

– Ничего не могу сделать! Вас много, талонов мало!

– Неужели у Вас так много пациентов с таким заболеванием? – удивилась я.

– Достаточно! – буркнула невролог. – А если Вам нужно быстрее, – с доктором попробуйте договориться сами. Все как-то договариваются!

И, сделав озабоченное лицо, она нажала кнопку вызова очередного пациента, давая понять, что дальнейший разговор не имеет смысла.

Ей было совершенно не интересно, откуда я узнала об этих симптомах, что это за симптомы – может, я ошибаюсь?

Нет, никаких таких вопросов я не слышала. Ей важно было отделаться от меня, отправить или к другому врачу, или поставить в режим ожидания талона месяца на три – чтобы не беспокоила. И это у нее получилось блестяще!

В полной растерянности я вышла из кабинета и остановилась в раздумье: куда идти? Рядом увидела табличку «Зам. Главврача...».

– Пойду, уточню, почему в Боткинскую нельзя направление получить, – подумала я и открыла дверь в кабинет.

Не буду приводить весь наш диалог, но сухой остаток таков:

– Тебе нужно, ты и добивайся, а на нашу помощь не рассчитывай: ее не будет!

С этим ободряющим заключением я вышла из очередного кабинета и поплелась домой, пытаюсь по дороге наметить план своих дальнейших действий.

Глава 3. В больнице им. Боткина

Дома муж встретил меня на пороге вопросом:

– Ну, что сказала невролог? Направление получила?

– Ага! Получила! Даже два! Теперь не знаю, куда вперед бежать? – я едва сдерживала слезы.

– Стоп, стоп, стоп! С этого момента – поподробнее! – перебил мое слезотечение муж и подтолкнул меня к дивану. – Сядь и расскажи все по порядку.

Я коротко пересказала свою беседу с неврологом и сказала, что завтра я сама поеду в Боткинскую без направления и попробую договориться попасть туда платным образом. Настроена, не смотря ни на что, я была решительно. Муж с сомнением покачал головой, но других вариантов не было: я должна была попасть на эту кафедру, чего бы мне это не стоило! Прочувствовав на собственной шкуре полное безразличие к своей проблеме со стороны лечащего, нет, вернее – совершенно не лечащего, врача, я поняла, что осталась один на один со своей проблемой, и решать мне ее придется только самой.

На следующее утро мы встали в шесть часов, чтобы попасть в диагностический центр Боткинской больницы прямо к открытию.

Вечером я позвонила в регистратуру, где мне объяснили, что попасть на кафедру можно только по направлению их невролога, а запись и оформление карты – с восьми утра.

В восемь мы были уже в регистратуре. Очередь была – человек тридцать! Все обсуждали, где найти ксерокс. Оказалось, что для оформления карты нужны ксерокопии паспорта и полиса. Все это было у меня дома, но я не подумала взять их с собой. Просто в голову не пришло, а по телефону не сказали. Оставив мужа стоять в очереди, я понеслась делать ксерокопии документов. А пока стояла в очередь на ксерокс, узнала много полезной информации. Опытные люди рассказали, что можно подойти в кабинет зам. Главврача, и он даст разрешение оформить карту на бесплатное прикрепление на год к любому врачу, если сочтет нужным.

Я не знала, сочтет ли начальство мой повод достаточно серьезным, но для меня он был просто вопиющим. И я поспешила занять очередь в его кабинет.

Зам. оказался милейшим человеком! По-моему, он не отказывал никому. Когда я приготовилась пустить слезу после слов:

– Помогите мне попасть к неврологу! В районной поликлинике мне не дают направление! – он мило улыбнулся и произнес:

– Ну не дают, – и не надо! Я вам дам направление к любому врачу. К кому вы хотите еще, кроме невролога? К сосудистому хирургу? К эндокринологу? К ортопеду? Пожалуйста! – и он быстро набросал на маленьком бумажном квадратике несколько слов для регистратуры. Я выскочила от него совершенно счастливая, несмотря на то, что уже оплатила в кассу прием у невролога и завела карту платного посещения. В регистратуре мне тут же поменяли карту на бесплатную, деньги возвращать я не стала – я была и так вполне довольна началом дня: талон к неврологу мне дали прямо на сегодня, я заняла очередь в кабинет, а мужа отправила погулять по территории. Была середина мая, погода стояла теплая и солнечная – чего сидеть в помещении, когда можно прогуляться.

Не прошло и часа, как подошла моя очередь.

Я открыла дверь, поздоровалась и вошла в кабинет. Врач сидела за столом и, видимо, заполняла карту предыдущего пациента. Мельком, не поворачивая головы, она взглянула в мою сторону, поздоровалась и продолжала писать, предложив мне сесть. Расстояние от двери до стола было всего четыре-пять метров, но этого ей оказалось достаточно, чтобы рассмотреть меня и сделать соответствующие выводы.

Когда она, наконец, закончила писать, посмотрела на меня, а я, опять торопясь от волнения, начала лепетать, что у меня нашли признаки болезни Паркинсона, и я хотела бы проконсультироваться на кафедре, она улыбнулась и сказала:

– Да какие там признаки! Вашей болезни уже как минимум лет пять!

Я обалдела! От всего одновременно. И от того, что болезнь все-таки есть, и от того, что болезни уже пять лет – значит, скоро мне уже умереть придется (как я вычитала в интернете), но больше всего – от того, как она все это определила, всего один раз, мельком, взглянув на меня, когда я вошла в кабинет. Об этом я ее и спросила.

Доктор опять улыбнулась и спокойно объяснила, что это единственная болезнь, для постановки диагноза которой не нужно никаких обследований и анализов. Только врач и пациент.

– Мы же сидим на этом! Я смотрю на Вас и вижу: Вы – наш пациент! А направление на кафедру я Вам сейчас дам, потому что диагноз нам ставить разрешают, а лечить – нет. Поэтому Вы пойдете на кафедру, там Вам назначат лечение. Потом опять придете ко мне, я дам Вам выписку для Вашей районной поликлиники. Потом Ваш невролог направит Вас в окружной диагностический центр к паркинсологу. Тот поставит Вас на учет, даст рекомендации по лечению, напишет заключение для невролога Вашей районной поликлиники, а тот, в свою очередь, уже будет выписывать Вам рецепты на лекарства, которые Вам положены: некоторые основные – бесплатно, а какие-то придется и покупать.

Слушая ее, я совсем сникла: и от подтверждения диагноза, и от тех перспектив «хождения по мукам», которые она мне описала.

Но она была в этом не виновата, и я на нее не сердилась. Более того – она была мне глубоко симпатична.

Видя мое расстроенное лицо, она сказала:

– Да не расстраивайтесь Вы так! У Вас самая хорошая форма болезни – смешанная. И благодарите того, кто распознал ее на такой ранней стадии и посоветовал, куда обратиться. А жить Вы будете долго и умрете не от этой болезни! Лекарств сейчас много, Вам подберут то, что подойдет именно Вам, и все будет хорошо.

Живут с этой болезнью обычно долго, и у Вас никогда не будет ни инфаркта, ни инсульта.

– Это почему же? – полюбопытствовала я.

– Этого пока не знает никто, но это статистический факт!

– Знаете, мне пока достаточно и Паркинсона!

– Вот и хорошо, им и занимайтесь! – весело сказала невролог. Через полгода приходите – посмотрим, как у Вас пойдут дела.

Она каким-то непостижимым образом спустила с меня весь страх, ничего особенно не предпринимая. Она была из тех, настоящих врачей «от бога», от одного разговора с которой мне уже стало гораздо легче. Я уже не готовилась к ужасам болезни и даже смерти, а поняла, что это – не конец света. Надо жить и бороться!

– А в интернете Вы поменьше читайте. Там такое напишут – мало не покажется!

– А как же про пять лет?

– Так это – если не лечить, и если болезнь определили уже на последней стадии! – успокоила она меня. А у Вас еще только самое начало. Так что Вам пугаться нечего. Принимайте лекарства и живите, как все обычные люди. Паркинсонизм – это не болезнь, а просто особенность Вашего организма с определенного возраста. Вам можно все: работать, заниматься спортом, ездить на экскурсии, плавать в бассейне, встречаться с друзьями, выпить вина, танцевать – в общем – все, что Вы делали до того, как узнали о своей болезни. И чем более активный образ жизни Вы будете вести, тем меньше Вас будет донимать болезнь. Вот так!

Невролог меня просто очаровала. Она была невысокого роста, мне показалось, что ей где-то 45–48 лет, (потом я выяснила, что 60).

Очень легкая, подвижная, улыбчивая, с короткими кудрявыми волосами, она просто летела по коридору больницы и заражала нас всех своей энергетикой. С тех пор я прихожу к ней не столько за лечением, сколько за очередной порцией оптимизма.

Запомните это имя: Попова Татьяна Владимировна. И если Вам когда-нибудь понадобится консультация невролога – лучшего я Вам порекомендовать не смогу! Да и зам. зав, к которому я ходила за направлением, сказал, что она – лучший невролог у них в клинике, и отзывы пациентов о ней только самые восторженные.

Глава 4. Кафедра экстрапирамидных исследований

Я вышла от Поповой несколько успокоенная. Это, конечно, еще не заключение кафедры, но это мнение специалиста, и оно меня несколько подбодрило. Я стала дышать спокойнее, перестала напряженно вслушиваться в свой организм и выискивать дополнительные симптомы паркинсонизма, благо в интернете начиталась всякого, и теперь была подкована на все сто.

Я снова отправилась в регистратуру записываться на прием, теперь уже – на кафедру. Талон дали только на следующий вторник. Значит, еще неделю ждать заключения специалистов. Но это все-таки быстрее, чем ждать талона в свой диагностический центр.

Всю эту неделю я переживала три первые стадии поведения человека в такой ситуации:

Первая – животный страх надвигающейся ужасной неизлечимой болезни и невозможность ее предотвратить;

Вторая – Господи, ну почему именно я стала этой одной из ста тысяч!?

Третья – Надо же что-то делать!

Я рыдала потихоньку, закрывшись в ванной, и громко, когда была дома одна.

Я причитала как на похоронах и скулила как побитый щенок.

Я хотела лучше умереть прямо сейчас, чтобы не дожить до тех ужасных последствий болезни, о которых я прочитала в интернетских статьях и на форумах.

Я пыталась высчитать, сколько лет мне осталось жить в сознательном состоянии, и что я успею за это время сделать: дожить до окончания внучкой школы – это еще 12–13 лет. Могу не дотянуть. Ей всего 4 года в январе исполнилось. Мужа одного оставлять тоже не хотелось – он без меня пропадет. Конечно, не пропадет, но со мной-то лучше! При условии, что я буду в дееспособном состоянии. И т. д. и т. п.

Муж, как мог, успокаивал меня. Говорил, что не допустит моей смерти:

– Жена должна мужа в последний путь проводить, а не наоборот! Вот похоронишь меня, а дальше уж как хочешь. Хоть замуж выходи! – шутил он.

В таких метаниях – от отчаяния до здравых рассуждений – неделя пролетела довольно быстро. Во вторник в десять утра я уже сидела под дверью врача на кафедре экстрапирамидных исследований.

Назвать это место солидным учреждением даже с натяжкой было невозможно. Кафедра располагалась на последнем этаже семиэтажного корпуса. Судя по его виду, ремонта там не было со дня его постройки, примерно лет 25–30. Лифт ходил только до шестого этажа. Затем надо было зайти в маленькую дверцу, завешанную какими-то объявлениями – прямо как в камерке у папы Карло, подняться по лестнице на седьмой этаж, пройти через темный коридорчик и попасть, наконец, на этаж. В коридор, покрытый ободраным линолеумом такого же возраста, как и сам дом, выходило несколько таких же обшарпанных дверей с именами их хозяев.

У каждого кабинета стояло по 2–3 стула. Посетителей было гораздо больше, – они подпирали облезлые стены, хотя им бы очень не помешало сесть. Пациенты, как обычно, пришли пораньше, а врачи, тоже как обычно, где-то задерживались. Они пролетали мимо нас из кабинета в кабинет, куда-то звонили по мобильникам, что-то оживленно обсуждали между собой. А мы смиренно ждали, когда же они, наконец, обратят свое внимание на нас, недостойных, которые притаились чуть свет и мешают им работать.

И это всероссийская кафедра, единственная в России! Сюда приезжают на консультации больные со всех концов страны. Здесь стажируются неврологи из многих регионов, где вообще нет специалистов этого профиля, и людям просто не у кого получить квалифицированную помощь. Здесь проходят симпозиумы, как солидно называют приезд 20–30 врачей из

регионов. А собирают их в зале, больше похожем на сельский клуб начала 30-х годов. Такая серьезная болезнь, столько неясных моментов, столько людей в отчаянии приезжают сюда, чтобы найти помощь и поддержку, а тут – три стула, коридор и несколько врачей, которые принимают по три часа один раз в неделю. И все! Дальше – тишина...

Принимать врач начала на сорок минут позже. За это время мы все успели рассмотреть друг друга и расспросить о симптомах болезни, ее сроках и результатах медикаментозного лечения. Люди были все разного возраста: от 25 до 75 лет. У всех были разные стадии заболевания и разные формы. Поэтому и проявления болезни тоже были разные.

Рядом со мной сидела интересная, довольно молодая женщина.

Руки у нее дрожали так сильно, что я даже представить не могла, как она сумела сделать такой аккуратный макияж. Ей было где-то около пятидесяти. Она была ухоженная, хорошо одета, еще работала. Интересно – кем? Она пришла, чтобы поменять лекарство. От препарата, назначенного ранее, ей стало только хуже.

– Неужели и я дойду до такой трясушки? – подумала я. – Вот ужас!

Во всех источниках информации, которые я успела проштудировать за эту неделю, я выяснила, что болезнь эта неизлечима, она прогрессирует с разной скоростью, но ведет всегда к одному: обездвижению, потере внятной речи и полной беспомощности, да еще с галлюцинациями, потерей ориентации и нарушением глотательного рефлекса. Перспективка радужная даже теоретически! А как будет на самом деле – этого не может предугадать никто.

Но вот подошла и моя очередь. Я вошла в кабинет врача. Это была крупная женщина лет тридцати, полноватая, какая-то немного неуклюжая что ли. Мне показалось – она была беременна. Наверное, очень умная, поскольку обсуждала со своей коллегой предстоящую защиту диссертации. Она взяла мою карту, положила ее на стол, предложила мне, как обычно, вытянуть руки и, закрыв глаза, коснуться пальцем кончика носа, затем ударила молоточком по коленке. Рефлексы были в норме.

Пока она проверяла мои рефлексы, ее коллега что-то быстро набирала на компьютере. Теперь она позвала моего доктора к себе, и они принялись что-то оживленно обсуждать, совершенно позабыв о моем присутствии. Потом они куда-то позвонили, и в кабинет зашла еще одна девушка и присоединилась к обсуждению. Я без приглашения опустила на стул и нарочито громко вздохнула, напоминая им о своем присутствии.

Доктор обернулась ко мне и, несколько раздраженно извинившись, попросила немного подождать. Потом все втроем они куда-то ушли, и я прождала их минут двадцать. Народ в коридоре начал роптать. Все были на взводе: время приема кончалось, а я уже больше получаса сидела в кабинете и не собиралась выходить.

Наконец она вернулась в кабинет, села к компьютеру и стала что-то печатать.

Кажется, мне придется тут просидеть до самой ее защиты! – ехидно подумала я.

Но тут врач закончила печатать, шлепнула на лист личную печать и протянула листок мне.

– Лекарство будете получать в районной поликлинике, на учет встанете в ДКЦ района, ко мне – через месяц. Все.

Я ожидала, что меня подробно расспросят, почему я сюда попала, что меня беспокоит, что с этим делать. Успокоят, научат, посочувствуют, в конце концов! Но – увы! И тут облом. Никому я здесь оказалась не нужна со своими проблемами. Впрочем – как и везде.

Взяв в руки листочек с назначением, я вышла в коридор и прочитала те несколько строк, которые там были написаны:

– Болезнь Паркинсона, 1,5 стадия по Хен-Яру, смешанная форма. Лечение: Проноран 50 мг по 1 т. 3 раза в день.

Еле сдерживая слезы, я пошла в консультативный центр к Поповой, к которой записалась тоже на этот день, чтобы не ходить еще раз за выпиской для окружного невролога.

Мне не терпелось хоть кому-то пожаловаться на такой бессердечный приём на кафедре, и я все выложила неврологу. Она была со мной солидарна, и разрешила мне помучить ее вопросами, что я и сделала с большим энтузиазмом. После беседы с ней я перешла к четвертой стадии своего существования в новых условиях:

– Значит так! – сказала я себе. – Ты, болезнь, будешь сидеть тихо у моих ног как собака, и молчать, а я за это буду кормить тебя разными полезными таблетками. Ты не мешаешь жить мне, а я терплю твое присутствие. Только так и не иначе! На этом и порешили.

Глава 5. С первой попытки

Поскольку невролог нашей поликлиники обещала обеспечить мне «доступ к телу» окружного паркинсолога не ранее, чем через три месяца, я решила, как все нормальные герои, попробовать идти в обход. В этот же вечер я нашла телефон регистратуры ДКЦ и сразу дозвонилась. У меня никто даже спрашивать не стал, есть ли у меня какие-то особые основания записываться напрямую, а не через районную поликлинику. Спокойно записали номер полиса и предложили выбрать удобный день и час посещения. А потом спросили:

– А хотите завтра? Если Вам удобно, конечно?

Я была крайне удивлена! Зачем мне создавали искусственные препоны, когда врач или сестра могли прямо при мне позвонить из кабинета и записать меня к врачу сразу, а не изображать вселенскую очередь? Подруги пытались меня убедить, что мне намекали на материальное поощрение. Но я больше склоняюсь к тому, что им просто лень даже шевелиться, а не только лечить. В общем, я с удовольствием согласилась идти к врачу прямо завтра. Не люблю, когда на мне висят какие-то незаконченные дела.

Но, чтобы идти к паркинсологу, нужно обязательно взять выписку и направление в районной поликлинике. Класс! Да? Самая главная и единственная кафедра ставит диагноз и дает свое заключение, а наш ДКЦ требует направление и выписку от врача, который видит меня первый раз в жизни и ничего не знает, и не хочет знать, о моих болячках, которому я настолько безразлична, что это даже не скрывается! И что, интересно, она будет писать в выписке?

Я направились в кабинет невролога без записи и талона, объяснив в регистратуре, что мне только направление взять. Я вошла в кабинет сразу, так как пациентов под дверями не было. Врач и сестра вопросительно уставились на меня. Объяснив, что мне нужно направление и выписка из карты, поскольку завтра с утра я должна быть в ДКЦ у паркинсолога, к которому только что записалась, я увидела на их лицах искреннее недоумение.

– А как вы туда попали? – в один голос спросили меня медики.

– Да вот – договорилась! – многозначительно сказала я, не вдаваясь в подробности. Пусть помучаются в догадках! Еще посмотрю, как она выписку будет заполнять. Но, я напрасно переживала за местную неврологиню. Она оказалась, как и многие другие врачи, очень талантливой сочинительницей. Оказывается, я уже давно жалуюсь ей на боли в спине, на синдром зубчатого колеса и на скованность движений. Просто фантастический роман! Видно, за время, прошедшее с моего первого визита, она успела несколько расширить свои познания в области болезни Паркинсона. Но вот заключение Кафедры ее совершенно не заинтересовало:

– Мне это не нужно. Для меня важно только заключение окружного паркинсолога, – не поднимая головы сказала она.

Ну, дело хозяйское. Не надо – так не надо! Я сложила свои бумаги в пакет и стала ждать, пока доктор закончит творить свой «роман». Хоть бы поинтересовалась из любопытства, что написано в заключении. Нет. Все пишет и пишет.

Наконец, опус был закончен. Я пробежала глазами выписку, ухмыльнулась и спросила:

– А откуда Вы столько про меня знаете? Я ведь у Вас никогда не лечилась.

Она свирепо посмотрела на меня, а медсестра прошипела:

– В следующий раз без записи не приходите, не примем!

Я поняла, что больше моя персона их не интересует, забрала выписки и распрощалась.

На сегодня у меня было запланирован еще один визит. Я должна была обязательно заехать к Светлане Юрьевне и поблагодарить ее за квалифицированную работу – раннюю постановку диагноза. Ведь до нее меня именно лет пять лечили от остеохондроза. И так бы и

лечили, если бы я случайно не оказалась в ее больнице и не рассказала о своих «непонятках». Я была ей бесконечно благодарна, и не зайти к ней просто не могла.

На рынке около метро я купила большой букет сирени и первых розовых пионов и поехала к ней в отделение. Светлана Юрьевна оказалась на месте, и я с разгону бросилась ей на шею со словами благодарности и букетом. Она пыталась меня успокоить, а я все что-то ей говорила и говорила. Видимо, все это время я сдерживала свои мысли и чувства, а теперь немного успокоилась, свыклась со своим положением, и мне надо было на кого-нибудь излить всю свою боль, страх и безнадежность. Светлана Юрьевна поняла мое состояние и мужественно вытерпела всю эту концертную программу.

Теперь я была готова посетить окружного невролога-паркинсолога.

Глава 6. Окружной паркинсонолог

На следующий день ровно в семнадцать часов я уже сидела у кабинета окружного невролога-паркинсолога. Врач принимала строго в назначенное время. Я зашла в кабинет и положила на стол паспорт, полис и выписку с направлением из поликлиники. Сверху добавила заключение из Боткинской больницы и села на стул около нее.

Доктор быстро закончила свою «писанину», изучила мои документы, небрежно отложив заключение из Боткинской больницы, и обратилась ко мне:

– Я Вас слушаю. Рассказывайте!

Я коротко рассказала о своих проблемах.

– А почему сразу ко мне не пришли? Не доверяете? Думаете, что на кафедре специалисты лучше? – с нотками ревности в голосе спросила она.

Тут мне пришлось пересказать ей мой диалог с неврологом районной поликлиники и про три месяца ожидания талона.

– Они что там все – с ума по сходили? Я каждую неделю по 10 талонов на эту поликлинику даю, а у них и десятка больных не наберется! – возмутилась она. – Я с ними разберусь! Безобразие! – продолжала она бушевать.

Наконец, от оргвопросов мы перешли к моим проблемам.

Она, как и Попова, повертела мне руки в суставах, попросила пройти по кабинету, достать руками кончик носа и сделать прочие, стандартные для этого заболевания, телодвижения. Затем она ответила на мои вопросы, которые за это время успели прийти мне в голову, и стала заполнять бланк заключения с рекомендациями по лечению. Пока она писала, я поинтересовалась, есть ли в нашем ДКЦ «Школа Паркинсона»? В интернете я видела это название, но это было в Боткинской больнице. Доктор сказала, что вроде бы должна быть, только надо пройти в другой кабинет и там записаться. Забегая вперед, скажу, что я записалась. Мне сказали, что занятия будут раз в неделю по вторникам с 14 до 15 часов, но «школа» откроется только с сентября, и мне позвонят и предупредят. Также должен работать зал лечебной физкультуры.

Прошло два года – мне так никто и не позвонил. Я сама приезжала несколько раз в ДКЦ на прием и интересовалась, что же с этой «школой»? Доктор только разводила руками и говорила, что уже устала говорить об этом с начальством и предлагать свои услуги. Никто ничего не хочет делать. К чести самой Ольги Леонидовны, она по своей инициативе открыла в интернете сайт «Школа здоровья», где вместе с еще несколькими специалистами отвечает на вопросы пациентов. Но это – ее личная забота о пациентах, а на государственном уровне – тишина...

Учитывая, что наш доктор уже пенсионного возраста и в любую минуту может уйти на заслуженный отдых, а доблестный Минздрав, по ее словам, собирается упразднить должность окружного невролога-паркинсолога и передать его функции, как я поняла, обычному неврологу районной поликлиники, мне как-то сразу «поплохело»! Я сразу вспомнила невролога своей поликлиники, ее юный возраст, полное отсутствие знаний, а главное – полное равнодушие к пациентам, и я ярко представила себе свое «светлое будущее»!

Так вот. Взяла я очередное официальное подтверждение наличия у меня этой самой, загадочной болезни, происхождение которой до сих пор неизвестно, и поплелась домой переваривать полученную информацию.

– Лекарства – это понятно, – наивно думала я. Сказали, что мне они положены бесплатно – значит дадут. Лечебная физкультура – это тоже понятно: или к Светлане Юрьевне схожу – она мне комплекс подберет, или в поликлинике направят куда-нибудь. Уколы поделать для сосудов головы – это тоже без проблем: невролог даст направление в процедурный

кабинет. Похожу пару недель. Ну, придется, конечно, посидеть в очереди, но к этому мы уже привыкли. Диеты, слава Богу, никакой не нужно, лопай все подряд и не заморачивайся. В общем – вполне сносная жизнь! По крайней мере – на первых порах. А если все эти процедуры помогут мне восстановить осанку, походку, и избавят от болей в спине – я буду вполне счастлива! И чего только я в панику впала?

Будем жить, и жить хорошо! Вот что я для себя решила, и почти совершенно успокоилась.

Я не знаю, у всех ли так, или это только особенность моего организма, но я сначала впадаю в панику и дикое расстройство. Потом понемногу успокаиваюсь и начинаю трезво рассуждать, что все-таки случилось и что я могу в этой ситуации сделать. А потом ищу все возможные способы решить проблему. И, как правило, способы находятся, а проблема тем или иным способом обязательно решается. Если не на все 100 %, то уж на 95 – точно!

Но мой энтузиазм, как оказалось, не имел под собой ни то что твердой, а вообще никакой почвы!

Глава 7. Рассчитывайте на энтузиазм

На следующий день я решила все-таки пойти в поликлинику к нашему неврологу к концу приема без записи, поскольку запись к ней была закрыта на две недели вперед. Но мне нужно было получить льготный рецепт на лекарство, я и так уже купила три упаковки сама на месячный курс. Я ведь не знала, сколько времени я буду слоняться по кабинетам, а лечение надо было начинать. Поэтому пришлось разориться на пару тысяч. Тогда я была готова отдать и больше, лишь бы помогло. И чем скорей, тем лучше.

К слову сказать, лекарство мне действительно помогло, и довольно быстро. Дня через три я поймала себя на том, что рука стала делать отмашку без моего надзора, боль в спине почти прошла, а спина распрямилась. Я была почти счастлива. И в поликлинику я явилась вполне здоровым на вид человеком.

Я вошла в кабинет и с порога, пока меня еще не успели выставить из кабинета, заявила, что я принесла заключение окружного паркинсолога и мне нужен рецепт на Проноран.

– А почему опять без записи? – сурово поинтересовалась невролог.

– Потому что я пришла не лечиться к вам, а взять рецепт, который выписывает медсестра. Поэтому я не буду занимать ваше драгоценное время и рецепт подожду в коридоре.

Медики остолбенели от такой наглости, а я, воспользовавшись немой сценой, вышла из кабинета и села в коридоре. Коридор был пуст, как и всегда во второй половине дня. Они, видимо, решив меня наказать, заполняли рецепт минут двадцать. Но, в конце концов, медсестра вынесла мне драгоценный документ и сказала, что Пронорана в аптеке нет, надо ловить, когда привезут.

– И как часто он отсутствует? – в спину ей поинтересовалась я.

– Лучше спросите, как часто он присутствует! – закрывая дверь, ответила она.

– Любопытно! – подумала я и направилась на первый этаж в аптечный киоск.

В аптечном киоске сидела девица-инвалид: у нее было что-то с шеей и, как потом выяснилось, – отвратительный характер. Она рычала на всех подряд, независимо от их возраста, состояния, отношения к ней и погоды на улице. Еще она имела обыкновение уходить с рабочего места и слоняться по кабинетам врачей: где поболтает, где конфетку съест, где просто так посидит. Но всегда оставляет бумажку: ушла на склад, буду через 5 минут. Люди ждут ее по 30–40 минут, а она идет не торопясь. И попробуй ей что-нибудь скажи – крику будет на всю поликлинику. Вот и мне пришлось познакомиться с этой подругой.

Я не ожидала, что на протянутый мной рецепт, я услышу:

– Вы что, не знаете, что Пронорана уже третью неделю нет? Что Вы мне рецепт тычете? Звонить надо и узнавать сначала, а потом здесь рецептом трясти!

Я несколько опешила от такой тирады, но потом вспомнила свои навыки главного бухгалтера по общению с сотрудниками налоговой инспекции, и ледяным тоном произнесла:

– Во-первых, льготный рецепт я получила сегодня первый раз в жизни.

Во-вторых, я только что была у невролога, и она мне не сказала, что в аптеку надо сначала звонить, даже если стоишь рядом с аптечным киоском.

В-третьих, я была уверена, что если препарат назначен больному по жизненным показаниям, то он должен быть в аптеке в обязательном порядке. Я ведь не витамины спрашиваю, а препарат, без которого я не смогу двигаться. И в четвертых. Я Вас ничем не оскорбила, и если Вы еще раз позволите себе разговаривать со мной в подобном тоне, я накатаю Вашему начальству такую жалобу, что Вы потом долго будете искать работу!

Девица слушала меня не перебивая. Видимо, никто до меня не догадался сказать ей все, что думал в данный момент. Старики – люди в основном интеллигентные, просто хватались за сердце и уходили глотать валидол.

Не дожидаясь, пока девица очухается, я опять протянула ей рецепт и сказала:

Запишите меня в вашу книгу отсроченного обеспечения, и когда получите препарат – позвоните мне!

Девица хотела по привычке что-то возразить, но, видимо, у меня было такое выражение лица, что она, молча, взяла рецепт, записала в свой конduit и спросила номер моего телефона. Я, как воспитанная дама, сказала «спасибо» и «до свидания» и величественно удалилась из поликлиники.

Так я получила еще один урок: спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

С тех пор все два года получение лекарства для меня – это особый вид спорта. Надо прийти к неврологу примерно в то же число, что и в прошлом месяце, и обязательно предварительно узнать, есть ли препарат в аптеке. И если он есть, надо бежать сломя голову к врачу за рецептом, иначе лекарство разберут, и надо будет ловить снова. А если лекарства в аптеке нет, то и рецепт тебе не выпишут. Хотя по закону – обязаны выписать в любом случае.

Ведь рецепт действителен в течение месяца, но им не хочется вести учет «неотоваренных» рецептов и обзванивать пациентов, когда лекарство появляется в аптеке.

Второй момент – лечебная физкультура. Направление дали, но инструктор предложила мне просто общий комплекс для людей с большим позвоночником. А уж самой приходится что-то придумывать лично для себя.

Сначала я решила ходить в бассейн. Мы с подругой выбрали удобное дневное время и стали ходить два раза в неделю. Сначала мне все очень нравилось, и я проплывала несколько сот метров. Но потом стала замечать, что больная рука перестает грести так же, как она переставала делать отмашку. Я все время должна была держать ее под контролем. Пришлось перейти плавать только на крайнюю дорожку, чтобы всегда успеть схватиться за бортик, если рука опять откажет.

Об этом я сказала паркинсологу при очередном визите. Она накинулась на меня со словами:

– Да кто ж Вам разрешил в бассейн? А если Вы вдруг разучитесь плавать и топориком на дно пойдете? Вас никто и вытащить не успеет!

– А что, и такое бывает?

– Еще и не то бывает! Я Вам рекомендовала гидромассаж и душ, а Вы в бассейн полезли!

Вот так мне всыпали по первое число, и моя водная эпопея закончилась едва начавшись. А доктор еще долго рассказывала мне о казусах болезни. Одна женщина, которая вязала всю свою сознательную жизнь, вдруг забыла, как вязать изнаночные петли. Лицевые вяжет нормально, а изнаночные – тормозит.

Другая стала застревать в дверном проеме. По комнате ходит спокойно, а когда надо на кухню пройти – застревает в дверях – и ни с места. И много чего еще рассказала. Дело в том, что в связи с отмиранием части клеток мозга, человек теряет навыки, которые он приобрел в прошлом. И для того, чтобы восстановить их, ему приходится всему учиться заново.

Еще я нашла себе спортивный снаряд – большой мяч диаметром 75 см, который выдерживает вес до 200 кг. Я ложусь на него спиной и свисаю со всех сторон, как осьминог или медуза. Позвоночник расправляется и спина распрямляется. Мне помогает это упражнение с мячом.

Так что ищите каждый свое. Кто что теряет, то пусть и ищет, то есть восстанавливает утерянную функцию, знание или умение.

Рассчитывайте только на свой энтузиазм! Пока Вы собой занимаетесь – Вы живете. И при этой болезни крылатая фраза «движение – это жизнь» приобретает особый, совершенно однозначный смысл.

Глава 8. Летние истории

После того, как я обошла, наконец, все необходимые инстанции и полгорода узнало и зафиксировало в своих отчетах, бумагах и компьютерах, что у меня болезнь Паркинсона, я смогла продолжить нормальную жизнь. Единственно, что ее омрачало – это ежемесячная охота за лекарством. Не могу сказать, что это мероприятие доставляло мне удовольствие или считалось развлечением. Это была борьба за существование в полном смысле этого слова.

– Говорите спасибо, что это бесплатно дают. Скоро все сами покупать будете, когда вся медицина перейдет на коммерческую основу.

Вот и начинаешь дергаться за несколько дней до конца срока: надо звонить в аптеку ежедневно. А учитывая ангельский характер нашей аптекарши, делать это вовсе неприятно. При личном присутствии она мне не хамит, но по телефону-то клиента не видно, а задатки «хорошего воспитания» никуда не спрячешь! Вот и получаешь каждый раз свою порцию хорошего настроения.

Наконец, лекарство появляется! Вот тут уж хватай ноги в руки – и стремглав несись в аптеку. Хорошо – пока из дома. А вот если с дачи! Ведь надо внучку с кем-то оставить, а это в будний день – проблема. А еще есть маленький нюанс: нет лекарства в аптеке – не выписывают рецепт. Есть лекарство – нет рецепта, потому что врач болен или работает в другую смену и его можно застать только завтра после обеда, да и то, когда она примет всех по записи. Летом народу в поликлинике мало, поэтому все проходит довольно легко и быстро. А вот зимой – это мероприятие на выживаемость!

Несколько месяцев моя неврологиня ворчала на меня, что я все время прихожу к ней без записи. Я проглатывала ее ворчание и не возражала. Потом мне это надоело, и я решила с ней объясниться, чтобы закрыть тему. Когда она в очередной раз проворчала:

– Хоть бы раз для приличия записались на прием! – «тут великого комбинатора понесло», и я разложила ее как цыпленка табака:

– Скажите, Вы считаете, что поставить подпись на рецепте, заполненным медсестрой, – это прием? Я что – прихожу к Вам на лечение или консультацию? Вы можете чем-то помочь мне в лечении болезни Паркинсона? Да Вы, как я успела заметить, не можете для меня сделать даже самого элементарного: дать направление в Боткинскую – не можете! Дать талон в наш ДКЦ на завтра, а не через полгода – не можете! Обеспечить меня лекарством вовремя – не можете! Дать направление в другую поликлинику нашего района, где можно бесплатно сделать МРТ головного мозга – не можете! И ради чего я должна записываться на такой «прием»? И если бы было можно получить лекарство сразу хотя бы на полгода, я бы не занимала эти минуты Вашего драгоценного времени. Но Вы и этого не можете! Поэтому уж потерпите меня в своем кабинете один раз в месяц, пока медсестра выпишет рецепт. А уж если Вас так раздражает мое присутствие, меня бы вполне устроил такой вариант: Вы выписываете мне рецепт 25-го числа каждого месяца и передаете его в аптечный киоск. И я буду дальше сама отслеживать поступление лекарства. Так Вас устроит?

Все это время, пока длился мой монолог, медсестра заинтересованно на меня смотрела и с любопытством оценивала реакцию врача. Врач слушала молча, не поднимая глаз от пустого стола. У нее даже карты моей не было на столе. Она у сестры лежала, и та, под разговор, выписывала мне рецепт. Когда я закончила свою речь, Ираида (такое редкое имя у медсестры) положила заполненный бланк рецепта перед врачом для подписи.

– Вот видите? Всего и дел, что подпись поставить. И зачем бы я занимала место в очереди к Вам? А кому-то действительно нужна срочная помощь, а человек из-за меня в этот день к Вам попасть не сможет!

Врач у нас молодая, где-то в районе тридцати. Спорить со мной она не стала – права я была на 100 %. А учитывая ее квалификацию, вернее – полное ее отсутствие, то и вовсе ей полагалось тихонько молчать и не возражать.

С тех пор она больше не требует от меня приходить по записи, а безропотно выписывает рецепт, а иногда просто достает из шкафа Проноран и отдает мне без всякого рецепта. Меня это очень устраивает. Жалко – редко бывает! А тут мне пришла в голову вообще гениальная идея. Я приспособилась посылать за рецептом мужа. Звоню в аптеку, узнаю, что лекарство есть, и муж идет за рецептом. С ним она ведет себя очень корректно, выписывает все, что мне нужно еще, кроме рецепта – направления, выписки для ДКЦ и прочее – и они расстаются вполне довольные друг другом. Вот так я решаю лекарственную проблему.

А на даче летом я вообще чувствую себя вполне здоровой. Особенно, когда сижу на диване-качалке с книжечкой – просто именины сердца! Но нужно признаться, что такая идиллия бывает не очень часто, так как грядки и клумбы требуют постоянной заботы, кучи сил и времени. Да и внучка не дает засидеться. Грядки очень хороши вместо лечебной физкультуры, а вместе с ней – еще лучше! Пока под кустами до каждой травинки дотянешься, такую растяжку получаешь для позвоночника – ни одно упражнение так не поможет. А тут – двойная польза: и себе и растениям.

Скоро начнется дачный сезон. Так хочется скорее тепла и солнца. В прошлом году потеплело раньше. Мы выехали на дачу уже в последней декаде мая, а в июне решили первый раз вывезти на дачу кошку, которая у нас появилась полгода назад. Проведя с ней всю необходимую медицинскую подготовку для выезда на природу, мы привезли ее на дачу.

Вот тут и началась концертная программа!

Все понимали, что кошка на даче должна гулять. Ловить мышек и птичек. Но никто не хотел взять на себя ответственность за то, что кошка не потеряется и не уйдет совсем, или не попадет в лапы бездомной своры собак и т. д. Мы беспокоились о ней как о ребенке. Кошка была всеобщей любимицей, и мы боялись, как бы с ней чего не случилось. Кошка у нас – пушистая голубоглазая красавица породы Невская маскарадная, и нам очень не хотелось, чтобы она испортила свою белоснежную шерстку в мокрой траве и уличной грязи.

– Бабушка, не выпускай Ланку из дома! – кричала моя пятилетняя внучка. – Если она убежит, у дедушки инфаркт будет!

Я попыталась вывести кошку гулять на шлейке. Ей это совсем не понравилось, но зрелище было очень забавное: кошка рвется во все стороны, путается в поводке, ей хочется залезть в какую-нибудь щель или под дом, а ее все время вытаскивают за поводок и пытаются объяснить, что ей никуда нельзя. Через неделю таких мучений мы отправили кошку с дедом обратно в Москву. Дед был доволен – он не очень любит бывать на даче, а кошку никто не спрашивал, но было видно, что она обиделась на нас за то, что ее отдых закончился, можно сказать, не начавшись. И для чего только мучилась и терпела все эти медицинские издевательства! Даже погулять не дали, сядюги!

В этом году я решила, что кошку возьму на все лето, и пусть гуляет, где хочет. Теперь она уже совсем взрослая дама, и, надеюсь, инстинкт ей подскажет, куда можно пойти, а куда не стоит.

И бедная моя спина, учитывая леность хозяйки к занятиям лечебной физкультурой, уже жаждет начать прополку грядок на даче и уборку территории. Не люблю бессмысленно махать конечностями. Как говорил Аркадий Райкин – от всякого телодвижения должна быть польза!

Всех поздравляю с окончанием зимы, предстоящим Днем Победы и наступлением дачного сезона! Ура, товарищи!

Глава 9. Дневной стационар

Прошел год. Никаких особых изменений в своем самочувствии я не ощутила. За окном опять стояла обычная весна. Все нормальные люди готовились перебазироваться из зимних квартир в дачные домики. Я не была исключением. Но, как обязательный человек, я должна была через год показаться врачу на кафедре и окружному паркинсологу, что я и сделала.

На кафедре новая аспирантка – сейчас она уже к.м.н., доцент кафедры – на меня даже не взглянула. Она была озабочена предстоящей турпоездкой в Болгарию, поэтому за те пять минут, что я провела в ее кабинете, она четыре раза поговорила по мобильнику, выясняя что-то про медстраховку, вид на море и класс отеля.

Она быстро нашла мою фамилию в компьютере, поменяла число и подпись и отдала мне распечатку – точную копию прошлогодней. Я не возражала. С первого же визита стало ясно, что здесь мной никто заниматься не будет, поскольку начальная стадия болезни и ее незначительные внешние проявления не представляют интереса с точки зрения научных исследований и написания диссертации, по крайней мере – для московских аспирантов этой кафедры.

В конце мая, при плановом посещении окружного паркинсолога, удивившись, что у меня нет группы инвалидности, врач написала в рекомендациях, что мне необходимо пройти МСЭК – так теперь называется бывшая ВТЭК.

– Почему Вы до сих пор группу не оформили? Вам же положено.

– Я же не знала, что мне положено. Я думала, что для направления на МСЭК инициатива должна исходить от врача, в зависимости от моего состояния. А степень тяжести заболевания можете оценить только Вы.

– Глупости! Никто ничего делать не будет, если Вы сами не проявите инициативу. Я дам Вам направление в наш дневной стационар. Они любят, когда перед комиссией человек в больнице полежит. Вам лежать не придется, а вот капельницы поделывать не помешает. И выписку дадут, и заключение. Я оказалась очень наивной, когда решила, что сейчас я запишусь и с понедельника начну лечение. Записалась-то я быстро, а вот лечение пришлось начать только в августе.

На бланке направления в дневной стационар в самом низу мелким шрифтом были перечислены все те анализы, обследования и процедуры, результаты которых должны быть приложены к этому направлению к первому визиту на капельницу. Их было столько, что я усомнилась в своих способностях вынести на себе всю эту кучу обследований. За всю свою жизнь я ни разу не проходила настолько полного обследования своего организма, даже тогда, когда мне это было необходимо. Вот тут и начались мои хождения по мукам.

Жить я переселилась в поликлинику. К восьми утра я, как на работу, каждый день отправлялась к какому-либо специалисту либо на запись, либо – на прием, потом шла на анализы или на УЗИ, ЭКГ, МРТ, ЭХО, Холтер монитор и т. д. и т. п.

Часто ходила 2–3 раза в день – в зависимости от расписания приема врачей и работы процедурных кабинетов. И на все это у меня ушло два месяца жизни, куча нервов и денег на ксерокопии всех полученных документов в трех экземплярах.

Когда, наконец, все бумаги были собраны, неожиданно пропала моя карта со всеми подлинниками документов. А на МСЭК принимают только подлинники. Я как представила себе, что мне придется всю эту кипу бумаг оформлять заново, – мне стало дурно. Двадцать семь листов только в дневной стационар, чтобы капельницы начали делать!

Я бегала по этажам и кабинетам, но карта моя как провалилась! И никто ничего не мог сказать и не хотел сделать. Мне предложили так называемый дубликат карты. Но это был

просто новый чистый бланк карты с моей фамилией. И что мне было делать? Никто из врачей не хотел меня принимать с этим дубликатом и, собственно, они были правы. Мне нужно заключение на МСЭК, а в карте ни одной записи. Из чего же они будут делать заключение – из воздуха?

Я все понимала, но от этого моя бурная деятельность по подготовке материалов для МСЭК ничуть не продвигалась вперед.

Две недели я металась по поликлинике, обивала пороги кабинетов вплоть до главного врача, но карта не находилась. И вот, когда я уже совсем решила отказаться от этой затеи – оформлять инвалидность, мне позвонила зам. главврача по МСЭК и сказала, что карта нашлась и сейчас находится у нее. Оказалось, что карту взяли для проверки правильности выписки бесплатного лекарства. А уж кто ее брал и куда уносил или увозил – я интересоваться не стала. Нашлась – и ладно.

Согласитесь, такие небольшие встряски очень взбадривают организм! А поскольку инстанций много, и каждая из них как мать родная заботится о нашем здоровье, то вы все время находитесь в тонусе. Кровь так и играет, адреналин зашкаливает! Домой возвращаешься чуть живой – как будто на тебе пахали целый день. Но зато здоровье стало прямо выдающееся! Все болезни, по замыслу нашего государства, после такой терапии должны проходить сами собой и исчезать бесследно. Прямо вместе с пациентом. И куда-нибудь подальше и насовсем!

Теперь, когда все мои бумаги нашлись, можно было отправляться в дневной стационар на капельницы. Вставать приходилось в 6 утра, так как ехать мне почти час, да еще идти по территории и по корпусу, бахилы надеть – вот больше часа и получается. А хочется попасть в первую партию: там и места хорошие и ждать час под дверью не придется. Поэтому надо прийти хотя бы за полчаса. А поскольку таких желающих – почти все, и живут они значительно ближе, то и приходят раньше. Если я успевала приехать к половине восьмого, то редко была даже четвертой. Обычно – шестой или седьмой. Но это было хорошо – я попадала в первую партию.

Первый день не принес мне ничего, кроме разочарования. Заведующая дневным стационаром, – не то узбечка, не то киргизка, с непроизносимым именем, пристально изучала мои документы и все искала, к чему бы прицепиться. Ничего не нашла, но все-таки к следующему разу велела принести какую-то справочку, хотя ее не было в списке. Возражать я не стала – себе дороже. Я только попросила ее проконсультировать меня по некоторым вопросам, связанным с моей болезнью, на что получила вполне ожидаемый ответ в духе времени;

– Залезьте в Интернет, там сейчас масса всякой информации. Вот и читайте, а у меня нет времени на консультации!

Отличный ответ невролога, заведующей дневным стационаром **Консультативно-диагностического центра!**

Но это все было для меня вполне предсказуемо и ожидаемо, поэтому я даже не удивилась. Видно, уже закалилась в борьбе с нашей медициной. Зато медсестра, которая ставила капельницы, оказалось очень хорошей: и по характеру и по профессионализму. Капельницы прошли безболезненно и «бесследно», то есть без синяков на руках, за что я ей очень благодарна.

Еще один интересный момент – пациенты. У всех болезни и лекарства разные. Поэтому всегда было, что обсудить, узнать что-то новенькое.

А тут как-то попала я палату с одной относительно молодой женщиной. Как оказалось, – у нее куча болезней. Одна хуже другой. У нее было трое взрослых детей с внуками – у них тоже свои проблемы. Они звонили ей на мобильник, и женщина быстро «разруливала» ситуацию. Оптимизма в ней было столько, что мы даже позавидовали.

– А давайте споем что-нибудь! А то опять сейчас о болячках говорить будем целый час, – вдруг неожиданно предложила наша оптимистка, и пока мы растерянно соображали, можно ли петь на процедурах в дневном стационаре, негромко запела высоким чистым голосом любимую песню всех женщин и всех времен – «Ой, цветет калина».

Мы сначала замерли от неожиданности, а потом постепенно, по одной, стали присоединяться к ней. Все мы были разного возраста, но голоса слились очень удачно, и мы очень славно провели этот час с собственным музыкальным сопровождением. Вот это была терапия!

Я больше не попала на процедуры с этой женщиной, но она осталась у меня в памяти как образец оптимизма и коммуникабельности. Вот на таких оптимистках и держится мир!

Две недели пролетели незаметно. Я получила все свои десять капельниц, выписку из стационара и направление на МСЭК, и снова отправилась в районную поликлинику добирать недостающие документы и заключения специалистов, которых у меня еще не было. Но это – отдельная история.

Глава 10. Подготовка к МСЭК

Подготовка к МСЭК очень облегчалась тем, что мне пришлось собрать кучу документов для посещения дневного стационара в ДКЦ, и теперь они мне оченьгодились. Но много еще и пришлось доделать. И вот тут я поняла: для того, чтобы оформить инвалидность, нужно иметь железное здоровье, поскольку более бессмысленно организованной процедуры трудно найти!

Знакомые рассказывали мне о своих страданиях в период оформления инвалидности, но я как-то не очень верила, потому что не ощущала. Зато теперь я в полной мере на собственной шкуре ощутила всю нелепость организации этого мероприятия.

Во-первых, почему сразу не дать на руки пациенту обходной лист? Какой-то врач направит на дополнительное обследование, а если данный специалист сочтет тебя здоровым по своей части, или, наоборот – ты у него постоянный пациент, и он все о тебе знает, то почему он не может в первое же посещение сделать запись в этом листе? Так нет же! Сначала я должна записаться и прийти к нему, чтобы он сделал запись в карте, а потом второй раз записаться и прийти, чтобы он переписал это из карты в обходной лист. Просто бред какой-то!

Во-вторых, попасть к специалисту можно только через терапевта. Можете представить себе, какая теперь очередь к терапевту! Умнее ничего придумать не могли!

В-третьих, поскольку карту на руки теперь не дают, то ждать, пока медсестра ее донесет до кабинетов на втором этаже, приходится иногда по 20–30 минут. Уже и очередь прошла, а карты все нет. И главное, что дальнейшее их не волнует: никто не бежит искать эту карту. Они отнесли куда-то, а ты теперь ищи. И начинаешь ходить по кабинетам, жалостно мяукая в дверную щель:

– К вам случайно мою карту не положили?

И через какое-то время узнаешь, что вместо невролога карту положили к эндокринологу. Это, конечно, врач хороший, и попасть к нему на прием обычно сложно, но в данный момент мне нужно было посетить именно невролога, а не кого-то другого. А как только начинаешь выяснять отношения с регистратурой, то тебе сразу объяснят, что «вас много, нас мало», и вообще, если не нравится – лечитесь в платных клиниках. С этим и уходишь до следующей встряски.

В-четвертых, как выяснилось, врач начинает смотреть на тебя хоть с какой-то каплей интереса, если ты можешь ему как-то пригодиться.

Не знаю зачем, но в списке врачей, которых мне нужно было посетить, оказался и уролог. Записалась, пришла, сижу. Вокруг одни мужики, смотрят как-то подозрительно. Один все-таки не выдержал и поинтересовался:

– Простите, а Вы тоже сюда?

Я кивнула. Он помолчал, но потом опять спросил:

– А Вы за кем будете?

– За мужчиной с мобильником, – ответила я, выбрав самый корректный, с моей точки зрения, опознавательный знак.

Он кивнул и, кажется, успокоился. Наконец, подошла моя очередь, и я вошла в кабинет.

За столом сидел симпатичный мужчина средних лет, перед ним стоял включенный компьютер. Он быстренько ввел мои личные данные с карты и повернулся ко мне:

– Ну-с! На что жалуемся?

– На длинную очередь, бестолковую организацию процесса сбора документов для МСЭК, и на отвратительное, в связи с этим, настроение.

– Это все? И больше проблем нет? – улыбнулся он.

– Есть, наверное. Но они возрастные. И очень распространенные. Так что жаловаться на них бессмысленно. Пишите, что жалоб нет, и я пойду.

– Не-е-т, подождите! Я могу предложить Вам участие в одном эксперименте, который я сейчас провожу совместно с немецкими коллегами на базе 1-й Градской больницы. Как раз по Вашей теме!

Не возражаете? – возбужденно затарахтел он, увидев во мне потенциальную жертву.

– А каковы будут мои функции? – решила на всякий случай уточнить я.

– Ничего сложного! Вы будете принимать определенный препарат и раз в две недели приезжать в больницу и сдавать анализ крови. Эксперимент рассчитан на три месяца. Ну, что? Записывать Вас? – спросил он с нажимом.

На мне за мою долгую жизнь уже столько раз экспериментировали, после чего я годами «зализывала раны», а медики умывали руки, твердя: – Мы все делали правильно! – что я давно зареклась добровольно соглашаться на какие-либо эксперименты. Только, если в бессознательном состоянии или по глупости куда-нибудь опять влипну. Поэтому я отрицательно помотала головой и жалостно спросила:

– А если без эксперимента – ничего нет?

– Почему? Есть! – и он назвал какой-то препарат. – Только он не лечит, а только снимает симптомы, – голос его стал скучным, а глаза потухли, как фары у машины после того, как ее поставили на стоянку, и хозяин пикнул устройством установки сигнализации.

– Знаете, я, пожалуй, обойдусь пока снятием симптомов, – вежливо отказалась я, – А там видно будет.

Уролог, мгновенно потерял ко мне всякий интерес, что-то быстро записал в карте и в компьютере, и мы расстались, как минимум на год – до следующей МСЭК.

Продолжать список непредсказуемых глупостей в организации обслуживания населения нашей медициной можно еще долго. Но если бы в этот список хоть кто-нибудь из Минздрава заглянул и ужаснулся! Так нет! Оказывается, у нас с медициной все просто прекрасно! Поликлиники и больницы растут как грибы, оборудование в них самое новейшее, специалистов медвузы ежегодно пачками впускают!

Тогда почему поликлиники стали сливать по несколько вместе?

Почему ни к одному врачу нельзя попасть тогда, когда это нужно мне, а не тогда, когда у него есть пустая клеточка в журнале?

Почему все это хваленое современное оборудование простаивает, а заранее подготовить специалистов, которые могли бы на нем работать, как-то не удосужились?

Почему выпускники медвузов имеют такую низкую квалификацию, что пациенты боятся к ним идти с серьезными заболеваниями?

Почему во всех больницах прием начинается не как раньше – со слов «что у вас случилось?» или «с чем пожаловали?», а со слов «если у вас есть деньги, – мы Вами с удовольствием займемся!» или «эта операция будет стоить столько-то, если надумаете – приезжайте!»?

А еще недавно я услышала вообще потрясающую фразу. Моя знакомая ходила на консультацию в одну престижную больницу по вопросу операции по стентированию или шунтированию сосудов нижних конечностей. На вопрос о том, платная это операция или нет, ей ответили: – Все, что выше пояса – оперируем бесплатно, а что ниже пояса – за деньги. Шедевр, а?

Почему из больниц и поликлиник уходят хорошие специалисты с большим стажем и опытом, а принимаются на работу лица, которые не только правильно карту или рецепт заполнить не могут, они по-русски с трудом говорят? Их понять невозможно! А уж выговорить их имена и отчества – занятие не для слабонервных пенсионеров.

Почему врачи отфутболивают больных друг к другу, и никто не хочет серьезно заняться конкретным больным и его болезнью?

Почему за халатность, непрофессионализм и равнодушие никого никогда не наказывают?

Почему медики позволяют себе хамить пациентам, кричать на них, швырять документы?

Почему гоняют стариков за картами, если их не оказалось в кабинете, когда проверить наличие карт перед приемом – это обязанность медсестры?

Что-то я увлеклась! У меня осталось невысказанными еще сто тысяч «почему?», но я вас и так уже утомила.

Все это вылилось у меня на бумагу после того, как я прошла сама все эти круги медицинского ада. Раньше было как-то по-другому, человечнее что ли? Правда, тогда мы были моложе, болели меньше, меньше контактов с медучреждениями было. И все-таки был контроль высших инстанций, была высокая квалификация врачей, никто не мог сказать тебе: денег нет – иди, умирай! А сейчас даже умирающих детей не хотят лечить бесплатно! Что же это за государство такое! Что же это за хваленые свобода и демократия? Не дай Бог никому жить в эпоху перестройки!

Единственно, кому я хочу низко поклониться и от души поблагодарить – это работников скорой помощи! За всю свою жизнь мне ни разу не встречался медработник со «скорой», который не помог, не успокоил, не проконсультировал. Никто никогда не вымогал у меня деньги, чтобы отвезти меня или кого-то из моих родственников в больницу по выбору. Если была возможность – везли куда просила. Много раз просто консультировалась по телефону 03 со специалистами и всегда получала вразумительный совет, или присылали врача, если не могли дать совет без осмотра. Огромное спасибо всем вам! Только вы не дадите нам умереть раньше времени!

Еще одно лирическое отступление. Но оно того стоит!

Наконец, обошла я всех врачей, собрала в папочку все обследования и анализы, и пошла к зам. главврача по МСЭК за заветным обходным листом. Она занималась какой-то отчетностью и, несмотря на приемные часы, с раздражением взглянула на меня и буркнула, не поднимая глаз от бумаг:

– Что Вы хотели?

– Я и сейчас хочу. Обходной лист для МСЭК, – попробовала я разрядить обстановку, но, видимо, не очень удачно. Дама, опять не отрываясь от отчетности, процедила:

– Паспорт и полис давайте! Карта где?

Я подала ей карту, но она даже не взглянула на нее. Открыла паспорт, переписала данные в бланк и протянула мне назад все мои бумаги. Вся операция заняла не более двух минут, но потом отдуваться мне пришлось за них несколько дольше.

И начала я по второму кругу обход специалистов. Шел уже сентябрь. Все пенсионеры возвратились с дач и срочно занялись своим, пошатнувшимся на грядках, здоровьем, и попасть на прием раньше, чем через две недели, стало проблематичным.

Пришлось пойти на хитрость. Я заходила в очередной кабинет и говорила:

– Вы сказали, что с обходным листом Вы примете меня без записи. У меня жалоб нет. Может, можно быстренько заключение, а? – и делала скорбно-вопросительную физиономию. Обычно срабатывало безотказно. Современные врачи, несмотря на молодость и хорошую память, совершенно не помнят своих пациентов. А тем более – своих обещаний им! Поэтому второй круг я прошла относительно быстро.

В начале ноября я была готова к медкомиссии и понесла документы в диагностический центр по месту прописки. Это было 2 ноября 2012 года.

Глава 11. МСЭК

Документы на МСЭК я сдала без проблем – их было даже больше, чем нужно по списку – я положила туда все МРТ, какие делала в прошлом году, какие-то энцефалограммы и прочие непонятные бумажки. Так, на всякий случай, как говорит моя внучка, захватывая с собой на улицу игрушечного крокодила.

На комиссию мне было велено приходить 26 ноября в 10 утра. Почти месяц свободной от поликлиники жизни пролетел быстро.

И вот я сижу в коридоре диагностического центра вместе с такими же мучениками медицины. Все пациенты находятся в разной степени нетрудоспособности, но я кажусь сама себе совершенно лишней в этой компании. Я даже и не надеялась, что мне дадут какую-нибудь группу.

Ну, в лучшем случае – третью. Люди были на костылях, с какими-то невообразимыми опухольями, в преклонном возрасте и с таким набором болячек, что было удивительно, как они вообще еще живы. И всех их каждый год заставляют приходить на комиссию подтверждать инвалидность, предварительно собрав всю эту кучу документов. Как они в таком состоянии все это проделывают – для меня загадка!

В 10 меня, конечно, никто не принял, в 12 – тоже, и я начала волноваться, что придется приходить в другой день, потому что уже стали вызывать тех, кто по времени должен был идти позже меня, а я все сидела. Наконец, пригласили и меня. Вот тут и началась комедия с трагедией. Я не знаю более унижительной процедуры, чем прохождение МСЭК.

Врач сухо бросила, не глядя на меня:

– Проходите, садитесь!

Я по привычке прошла к стулу около стола врача. Но она рывкнула:

– Не сюда! – и указала на стул, который стоял метрах в двух от нее. Мне бы никогда в голову не пришло, что этот стул относится к ее столу. Я села. Врач, молча, листала мои бумаги. Я думала, что тут соберется действительно комиссия из разных специалистов, которые будут расспрашивать и осматривать меня. Все оказалось проще – как я поняла, решение уже было принято заранее, и документы были готовы. Но вот поиздеваться над человеком, показать свою значимость и безусловное превосходство, его зависимость от того, чего «моя левая нога захочет» – это у нас любимое развлечение людей, облеченных хоть малюсенькой властью.

В этой же комнате вела прием и другая врач, более пожилая и доброжелательная. Жаль, что я не к ней попала!

Моя «мымра», как я ее сразу окрестила, повернулась ко мне и спросила:

– Вы знаете свой год рождения? – ехидно спросила она меня.

– Естественно! 1950-й, – сказала я, не ожидая подвоха.

– А здесь что написано? – и она сунула мне в руки мой обходной лист.

А там моя заработавшаяся замша написала мне год рождения – 2011, т. е. год постановки основного диагноза. – Вы хоть проверяли или нет, что Вам тут понаписали?

– А почему я должна проверять за врачом, когда она специально паспорт требует и списывает все данные с него? – ошалело отбрыкивалась я, а сама мысленно ругала на чем свет стоит и себя, и эту «росомаху», за которой все нужно было проверять.

– Нет, ты послушай! – снова обратилась она к коллеге. – Они ей полуторную стадию поставили! Представляешь? – и она противно захихикала.

– А почему Вы не в нашем КДЦ наблюдаетесь? – снова стала цепляться она ко мне.

– Живу я в том районе. Там и лечусь! – перешла я тоже на раздраженный тон.

– Ну и что у Вас? Я что-то не замечаю у Вас признаков болезни Паркинсона. Я была лучшего мнения о вашем КДЦ!

Чувствую, что начинаю закипать. До каких же пор мне выслушивать ее язвительные замечания?!

– А Вы что, паркинсонолог? Кто разбирается, тот находит и видит! – я положила перед ней последнее заключение кафедры за подписью профессора Н. В. Федоровой. Она схватила его и сказала, что это и есть самый важный документ. И тут же добавила, что у меня и без Паркинсона целый букет других болячек. У меня был с собой еще один листочек, где я записала все свои жалобы и неприятные ощущения на данный момент, и предложила врачу ознакомиться с ним.

Я составила этот список для окружного паркинсолога, чтобы уточнить, какие симптомы от основной болезни, а какие – просто возрастные или от других заболеваний.

На каждого пациента в ДКЦ приходится всего 10–15 минут! Поэтому я и составила такой список, чтобы, второпях, не забыть что-нибудь. По моему дилетантскому мнению и на МСЭК врачу будет гораздо удобнее прочитать этот список, чем задавать вопросы и ждать, пока я вспомню или соображу, что ответить.

А тут все по полочкам разложено. Пробежал глазами – и в курсе событий! Но «мымра» взглянула на лист и фыркнула:

– Еще не хватало мне тут Ваши опусы читать! – и вернула лист мне. Короче, еще какое-то время она повозила меня «фэйсом об тэйбл», потом закрыла папку с моими бумагами и, с чувством выполненного долга, сказала:

– Идите! Будет Вам вторая группа на год.

По-моему, я даже не попрощалась с ней, – такая была злая, – и вылетела из кабинета.

Еще где-то полчаса я прождала, пока меня пригласят на оформление документов. Потом еще ждала, пока все справки выпишут. И все это время, медленно приходя в себя от пережитого стресса, я думала, а стоит ли все это затевать на следующий год?

Я сочувствовала всем пациентам, которых видела сегодня, всем, кому только предстоит эта процедура, себе – потому что пришлось пережить весь этот кошмар. Я не понимала, кто разработал такие правила, когда вместо помощи людям, которым приходится оформлять все эти бумаги и терпеть унижительную процедуру прохождения МСЭК, они, эти правила, заставляют снова ежегодно доказывать каждому самодовольному павлину на комиссии, что у него за год – это надо же! – опять так и не отросла нога, ампутированная 10 лет назад. А у согбенной старушки – участницы ВОВ – так и не прошел ревматический артрит и еще куча болезней, а пальцы, кисти рук, и позвоночник к ее 90 годам почему-то так и не распрямились!

Почему врачи, работающие в этой комиссии, позволяют себе так по-хамски обращаться с больными? Пока не было необходимости посещать эту инстанцию, – опять повторяюсь – я не очень верила, что оформлять инвалидность – это так сложно и неприятно, долго и унижительно.

И я бы никогда не стала больше этого делать, зная, что «дать или не дать» зависит от одного-двух человек и их настроения, воспитания, образования, квалификации и простого наличия или отсутствия сострадания к больному человеку. Ведь никаких «золотых гор» эта справка об инвалидности не дает. Лекарств бесплатных, как правило, в аптеке нет, и их все равно приходится покупать за свой счет. А те, что есть в списке, они почему-то совсем не лечат! Все серьезные обследования типа МРТ приходится все равно делать платно, операции – тоже платные. Единственно, что мне нужно было, когда я решилась начать эту процедуру оформления инвалидности – это льгота на проезд в электричке, потому что каждый год билеты так дорожают, что, при моем режиме поездок, я скоро всю пенсию буду на электричку тратить!

Я с ностальгией вспоминаю «доперестроечные» времена, когда я ездила на работу от Вешняков до Новой по Казанке и брала годовой проездной билет за 4 руб. 20 коп. при моей тогдашней зарплате 130–180 рублей в месяц. И эта цена не менялась лет 10 или 15! Путем несложных расчетов получается, что цена годового проездного билета составляла всего 0.2 % от зарплаты. А сейчас – 19,2 % только за один месяц! Я понимаю, что от Вешняков до Новой ехать 10 минут, а на дачу до Храпуново – один час, но я исхожу из своих потребностей пользоваться этим видом транспорта тогда и сейчас. Тогда у нас не было дачи, и надо было ездить на работу. Теперь мне не надо на работу, но появились внучка и дача. И мне нужно опять ехать на электричке. Одно время была скидка для пенсионеров на летнее время – с мая по сентябрь. Но ее быстро ликвидировали. А цены на проезд стали расти как на дрожжах.

Так вот. Я все это к тому, что инвалидность дает мне право на льготный проезд на электричке, а лето уже не за горами. Только это и заставило меня идти на эту унижительную процедуру. Еще весной, когда я пришла из ДКЦ к неврологу нашей поликлиники и отдала ей выписку, где было рекомендовано пройти МСЭК, она даже не среагировала на этот пункт. А когда я попросила ее дать мне направления на анализы и список врачей, которых мне нужно пройти для МСЭК, она удивленно и сочувственно на меня посмотрела и спросила:

– И что? Будете оформляться?

– Попробую, если не умру в процессе, – ответила я.

Она с сомнением посмотрела на меня, будто оценивая мое физическое состояние: умру или все-таки доживу до МСЭК.

– Ну-ну, попробуйте! – скептически сказала она, набросала список этих позиций на 20–25 и вручила его мне.

– Успехов Вам, – сказала она, а я добавила:

– ...в Вашем безнадежном предприятии?

– Ну, почему же? Некоторые все-таки оформляют! – попыталась взбодрить меня неврологиня, но улыбка у нее получилась сочувственная.

Но я все-таки Козерог. И уж если я упрусь рогами, то буду идти до конца!

Вот так я получила вторую группу, и теперь жду лета, чтобы воспользоваться своей льготой на проезд в электричке. Хотя что-то получить от нашего государства, которое поставило пенсионеров в такие условия, что жить и умирать настолько одинаково дорого – не знаешь даже – что выбрать!

Но все-таки начну, пожалуй, с первого. А вдруг получится?

Глава 12. День рождения

После того, как я, наконец, закончила свои мытарства с оформлением инвалидности, получила все справки, перерегистрировала Карту москвича, обошла все конторы, где полагось оформить льготы, я пришла домой и доложила:

– Все! Можете меня поздравить: я – инвалид!

Кого другого это признание повергло бы в шок, но я за это время так привыкла к этому слову сама и приучила родных и знакомых, что они прореагировали адекватно и искренне меня поздравили с завершением хождения по мукам.

Но жизнь вдруг показалась мне какой-то скучной и пресной без ежедневных походов в поликлинику и другие медицинские организации. К счастью – это продлилось недолго. Жизнь с удовольствием подбрасывает мне всякие «развлекательные мероприятия»! Их оказалось несколько, что дало мне возможность бодро и весело перекантоваться до сего дня.

Во-первых, пока я металась по врачам, весь мир, оказывается, горячо обсуждал предстоящий конец света, а я совершенно отстала от жизни: даже места в бункере не забронировала! И как теперь быть? Все – там, а мы здесь? Спрашиваю мужа:

– Ну и как ты представляешь себе предстоящий конец света? Как отмечать будем?

Он был чем-то занят, поэтому, не отрываясь от компьютера, ответил лаконично, не вдаваясь в подробности:

– Как обычно, с друзьями! Ирину, соседку, тоже не забудь пригласить – она хороший человек. Я помолчала пару минут, переваривая информацию, потом опять осторожно спросила:

– А где? Дома или в э-э-э «общественном» месте?

– Да как хочешь! Меня устроит любой вариант. Решай сама – это ведь твой праздник!

Тут я замолчала уже надолго, с трудом соображая, почему конец света – это мой, да еще и праздник? Потом, путем долгих и напряженных размышлений и сопоставлений, я разработала более или менее связную теорию, но все-таки решила проверить ее право на существование.

Дело в том, что мой день рождения, – а меня угораздило родиться в самую длинную ночь в году – 22 декабря, в этом году должен был состояться (или – не состояться!) как раз на другой день после даты конца света. Поэтому друзья, уж не знаю – в шутку или всерьез, – неоднократно спрашивали меня:

– В связи с предстоящим концом света день рождения отменятся или нет? Подарки готовить или как?

– А как же! Банкет состоится «при любой погоде»! – отвечала я всем, искренне посмеиваясь над всем этим трёпом.

Интересно, кто заставил
целый мир сходить с ума,
и надежды не оставив
на присутствие ума?

Все друзья – и те про это!
– День рожденья будет? Нет?
Если скоро конец света,
не отменят ли банкет?

Мы, конечно, все в сомнениях:

конец света ночью, днем?
Но к тебе на день рожденья
обязательно придем!

Однако, пока я беспросветно была занята собой и пыталась сохранить свое драгоценное здоровье для долгой и счастливой жизни, в мире, оказывается, уже без всяких шуток, готовились к концу света! И для чего же тогда были все мои муки и старания? Чтобы через 20 дней так же благополучно закончить свою земную жизнь?

Что-то в этом раскладе меня не устраивало, и я опять начала трясти мужа:

– Нет, ты мне все-таки скажи, как ты думаешь: конец света будет или нет?

– А что? Почему тебя это волнует? – опять отрешенно отозвался муж.

– Да только потому, что хотела уточнить: с пирогами возиться или так уж обойдемся, бутербродами на скорую руку? Думаю, в связи с таким предстоящим событием гости меня поймут!? – взъерилась я – Или ты действительно считаешь, что конец света – это только мой, личный, «праздник»?

Муж, наконец, оторвался от компьютера и повернулся ко мне:

– Ты о чем?

– Господи! Ты же сам уже полчаса доказываешь мне, что конец света – это мой праздник, и мы должны отмечать его с друзьями в ближайшем бункере! – завелась я. – Ты хоть немного меня слышишь?

– Не может быть! Это я так сказал? Ну, прости меня, я просто заработался. А вообще-то смешно получилось! – пытался отшутиться он.

– Ну да, ну да! Получилось очень смешно! Особенно мне! – ворчала я, но уже спустила пар.

Мы еще немного посмеялись над сложившейся ситуацией, впрочем, не очень веря во всю эту рекламную кампанию, и теперь я бодро сообщала всем любопытствующим, что отмечать конец света будем обязательно, но только называться этот праздник будет «Начало света», потому что после моего Дня рождения световой день начинает прибавляться. Пусть по минутке в сутки – но прибавляется. Не зря же меня Светланой назвали!

Угрозило ж родиться
в самый малый день в году!
Мне бы сразу утопиться,
нет же, конца света жду.

Нет, вернее, раньше сразу
свет прибавиться спешил:
А теперь же – вот зараза! —
вовсе он пропасть решил!

Пусть еще морозы круты,
целый день метет метель, —
хоть на миг, хоть на минуту
прибавлялся новый день.

И смотрела с нетерпением
я рождественские сны:
раз прошел мой день рожденья,
доживем и до весны.

К счастью, все обошлось:

Конец света не случился,
Живы все мои друзья,
Стол отличный получился,
На ногах пока и я!

День по капле пребывает,
И в мороз уходит ночь,
Солнце чаще вылезает,
прогоняет зиму прочь.

С «високосным» концом света
Распрощались навсегда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.